

На четвёртый день Бай Лао наотрез отказался сопровождать Цин Юань. Разговор с Фэн Ся, произошедший накануне, привёл его в смятение. Вначале, спешно покинув дворец, он злился. Пылая по пути носком ботинка мелкие камушки, вздымая в воздух золотистую песчаную пыль, он чувствовал себя таким униженным, что впору утопиться прямо в том самом фонтане на территории гарема. Может быть, думал он, зря он так убивался и переживал об этом человеке. Фэн Ся спас его по какой-то непонятной прихоти, но продолжал видеть в нём маленького зверёныша.

Постепенно злость сменилась обидой. Жизнь Бай Лао не была счастливой — ему не было места ни среди людей, ни среди лис. В деревне к нему относились с пренебрежением — рождённый демоницей, но не взявший ничего от матери, он был совершенно бесполезен. Его шпыняли и взрослые, не желающие возиться с полукровкой, и дети, смеясь, что ему не то, что лисой не стать, даже хвоста никогда не отрастить. Обида была ему настолько привычна, что со временем он вовсе перестал её испытывать. Но почему-то именно сейчас это давно забытое чувство всколыхнулось, закололо в груди, обожгло веки солёной влагой. Бай Лао остановился и яростно потёр горящие глаза кулаками.

Запутанные тропы вывели его к гаремному саду. И когда только он научился так хорошо ориентироваться, чтобы найти дорогу даже не задумываясь? В саду, в тени цветущих деревьев, он зацепился взглядом за алые одежды и обида отступила, сменившись странным, опустошённым непониманием. Сяомин читала в одиночестве, иногда заправляя за ухо прядь тёмных, блестящих волос. За ухо, на мочке которого искристо дрожали три золотые серёжки с красными, как капли крови, камнями. Бай Лао рефлекторно потрогал свою. Эта женщина, имевшая высшее положение в гареме, довольно быстро потеряла к нему интерес. Иногда они пересекались в коридорах — Бай Лао низко кланялся, Сяомин надменно проходила мимо.

«Такие носят только наложницы».

Серёжка появилась в ухе Бай Лао по её приказу. Но что сподвигло её на это? Зачем было давать ему отличительный знак и отправлять к слугам? Ответит ли она сейчас, подойди Бай Лао и спроси напрямую?

«Теперь твоё место здесь».

Сказала она в ту ночь. И Бай Лао казалось, что тогда он всё понял. Сейчас же он снова не понимал ничего.

Сяомин перевернула страницу, так и не заметив стоящего в стороне растерянного ребёнка.

Тем же вечером, укладывая волосы Чуньшен перед сном, Бай Лао не мог отвести задумчивого взгляда от трёх таких же серёжек в её левом ухе. Они дрожали от каждого движения и переливчато звенели. Его место здесь. Но здесь — это где?

Следующий день он провёл в покоях Чуньшен, отказываясь выходить и выполняя её задания по каллиграфии с двойным усердием.

На пятый день Бай Лао снова не планировал посещать дворец. Злость, обида и непонимание давно отступили и на смену им пришло куда более отвратительное чувство. Обдумав их странный диалог ещё раз на следующий день, Бай Лао вдруг осознал, что больше не чувствует себя униженным. В конце концов, Фэн Ся, действительно, едва ли его унижал. Наоборот, он не называл его слугой, даже позволил сесть на собственную кровать. И пусть слова его казались грубыми, у них явно было двойное дно. И тогда Бай Лао испытал стыд. Он окатил его ушатом ледяной воды и сердце, пропустив удар, упало куда-то в желудок. Фэн Ся, возможно, пытался открыть ему глаза, а он повёл себя так неуважительно. Даже не поклонился, покидая покои.

«Хуа-сяньшен»

Это было провалом. Иероглифы неровными рядами плясали на бумаге и Бай Лао спрятал в них лицо, размазывая тушь руками. Он ни за что больше не покажется Фэн Ся на глаза.

Но его надеждам не суждено было сбыться. Когда Цин Юань появилась на пороге их с Чуньшен обители, первым порывом Бай Лао было спрятаться за ширмой, но он стоически остался на месте. Цин Юань не любила посещать гарем, а значит у её нахождения здесь была веская причина.

— Вот ты где, лисёнок. Второй молодой господин интересовался, отчего вчера ты не почтил его своим присутствием.

Бай Лао сжал пальцами ткань штанов. Чуньшен в это время обычно прогуливалась в саду, а значит никто не мог придумать для него достойной причины не пойти с Цин Юань. Выставить её сам он, конечно, не мог.

— Если второй молодой господин желает меня видеть, он может просто приказать.

Это было смелым ответом. Бай Лао удивлялся сам себе, но, кажется, желание избежать позора открывало в нём странную решимость. Цин Юань лишь усмехнулась.

— Как будто он станет. Пойдём, лисёнок, не подобает лекарю оставлять больного на середине лечения.

Бай Лао печально посмотрел на размазанные иероглифы и нехотя поднялся.

Говоря о середине лечения, Цин Юань явно лукавила. Когда они вошли в покои, в них снова пахло цветущей вишней и свежестью фонтана внизу. Фэн Ся, расположившись на кровати в позе для медитации, уже не выглядел так ужасно. Цвет лица не был болезненно бледным,

тёмные круги под глазами почти исчезли, а на бинтах ни капли красного или жёлтого — раны больше не открывались. Проводив Цин Юань, привычно прошедшую к низкому столику, показательно пренебрежительным взглядом, он задержался на втором госте. Бай Лао замер в поклоне, стыдясь своего прошлого поведения.

— А-Лао, ты же запомнил, где кухня? Я бы не отказался от чая.

Бай Лао украдкой посмотрел на Цин Юань, в надежде получить какое-нибудь задание, которое бы позволило ему не покидать покои. Но та вовсе не обратила на него внимания, отточенными движениями подготавливая свежие бинты.

Взгляд Фэн Ся, янтарный жидкий огонь, обволакивал и подчинял. Ситуация грозила повториться, но выбора у Бай Лао снова не было.

Вернувшись в покои с подносом, отсутствие в них Цин Юань не стало для Бай Лао сюрпризом. Но, то ли успев к этому подготовиться, то ли просто смирившись, в этот день всё ощущалось иначе. По-прежнему было неловко, но запах цветущей вишни, ненавязчиво плывущий в воздухе, успокаивал. Фэн Ся снова медитировал, не поведя и бровью на чужое присутствие. И это было не показным игнорированием, к которому Бай Лао давно привык, но странным доверием, будто в покоях не демон, а хорошо знакомый приятель.

Недолго думая, Бай Лао расположился напротив кровати рядом с ширмой — пустынные охристые барханы на ней навевали воспоминания о жизни на свободе, теперь будто далёкой и эфемерной. Во времена жизни в деревне, когда все собирались вокруг костра, он часто наблюдал, как старейшина готовил чай — в большом котле, подгорелое дно которого лизали искристые языки пламени. Каждое движение плавное, выверенное, почти волшебное. Чай получался терпким, слегка горьковатым; тёмная жидкость отражала небо и Бай Лао казалось, будто он пил сами звёзды, горячие и колючие. Ему нравился процесс и всегда хотелось попробовать самому, но, конечно, кем он был таким, чтобы его обучать. Печально улыбнувшись, он зажжёт большую плоскую свечу и, водрузив глиняный чайник на подставку, погрузился в процесс. [1]

В деревне они пили чай не лучших сортов, неприглядные сушёные листья, быстро рассыпающиеся в труху. Такого чая, что ему дали на кухне, он даже не видел ни разу — бережно завёрнутый в бумагу тонкий круг — толстые листья высшего качества переплетались причудливыми узорами. Отколов небольшой кусочек, Бай Лао принялся, прикрыв глаза — пахло терпко-древесно и слегка сладковато. Вода на огне подёрнулась тонкой пузырчатой рябью, и струйка пара танцующе медленно поднималась в воздух. Тишина была умиротворяющей, лишь шорох сушёного чая в глиняной ступке ласкал слух. Бай Лао на мгновение даже забыл, что находится во дворце, в покоях принца — он был далеко — в пустыне, окружённый звёздным сиянием. Вода забурлила, зашипела гремучей змеей, и звук этот скрыл шорох шёлковых простыней и чужую мягкую поступь.

Когда чужая рука протянула ему чахэ [2], Бай Лао вздрогнул, приходя в себя. Глиняная утварь идеально ложилась в ладонь и казалась темнее на фоне белых бинтов. Фэн Ся сел напротив, внимательно наблюдая за пересыпчатой чайной крошкой.

— Цин Юань тебя научила?

Бай Лао покачал головой. В воду отправилась щепотка соли, чайная пыль, сушёные ягоды.

— Я видел, как это делается ещё в деревне. Не уверен, что всё правильно, но...

Фэн Ся покрутил в пальцах сухую мандариновую кожуру.

— Я всё время думаю, — сказал он, проследив взглядом тонкую струйку пара, — тогда, в деревне, была ли там твоя мать? На чьём оружии её кровь? Был ли это я?

Это были странные вопросы. Бай Лао наполнил пиалу. Он не испытывал никаких чувств к собственной матери и оттого совершенно не мог понять, почему это так заботило человека, поступившего как подобает любому хорошему заклинателю.

— Она умерла в родах. Я никогда её не знал. Ваша совесть чиста, сянъшен.

Фэн Ся почувствовал странное облегчение. По меркам заклинателей его совесть, и вправду, была чиста — даже будь он тем, кто убил мать сидящего перед ним ребёнка, она была демоницей. Но в глубине души что-то терзало его. Его собственная мать была изменницей, её убийство — верным. Но было ли правильным убеждать в этом детей?

— Вкусно, — с улыбкой сказал он, пригубив маленький глоток горячего чая. — Извини, если в прошлый раз обидел тебя.

Бай Лао встрепенулся. Было в этой фразе что-то неправильное, будто бы чужеродное. Бай Лао потряс головой и, как на зло, серёжка в его ухе переливчато зазвенела. В этот день говорить с Фэн Ся отчего-то было проще. Забылась злость, растаяли обиды, не хотело отступить лишь горькое чувство непонимания, оно всё ширилось и разрасталось в груди гнилым колючим цветком. Бай Лао снова коснулся украшения. Какая ирония, он не трогал его с тех пор, как перестало болеть.

— Сяомин-ньюши повелела дать мне её. Зачем она это сделала? Она сказала, так я пойму своё место. Но я не понимаю...

Совсем недавно Фэн Ся был для Бай Лао человеком, с которым он боялся заговорить. Теперь же он задавал вопросы, которые не решился бы задать кому-то другому.

Фэн Ся подвинул к нему пиалу.

— В тот день она была зла. На тебя. На отца, который опять послушал сомнительные советы. На Цин Юань, которой всё сходит с рук. Гарем — единственное место, где она имеет какую-то

власть. Возможно, ты был единственным, на ком она могла отыгаться. Возможно, ей хотелось насолить отцу. Сложно понять женщину. Обиженную женщину — невозможно.

И Фэн Ся рассмеялся. Мягким переливчатым смехом.

— В любом случае, ты ещё слишком мал, чтобы всё понимать. Это серёжка не более, чем украшение. Хочешь, сними её. Хуа-сяньшен разрешает.

Бай Лао вздрогнул. С того самого дня, как он получил серёжку, он ни разу её не снимал. Злился на её наличие, оттягивал, когда болело, но снять — даже не помышлял. Сейчас же, смотря на изящное золото в своей ладони, он будто почувствовал свободу. Будто вернулся в пустыню, где охристые барханы, торговые караваны и бесконечное звёздное небо.

— Спасибо...

Глаза напротив горели тем же огнём той роковой ночи. Но они больше не были концом. Они были началом.

—...Хуа-сяньшен.

В тот день Бай Лао покинул чужие покои затемно.

На шестой день Цин Юань не стала накладывать бинты и разрешила помыться. Бай Лао сначала удивился, но раны Фэн Ся, действительно, затянулись. Они остались на спине длинными ярко-красными шрамами, извиваясь будто змеиные хвосты, но угрозы уже не представляли.

Фэн Ся довольно потянулся, свёл вместе лопатки и бодрым шагом направился в купальни.

Раньше Бай Лао и не думал, что можно испытывать прямо противоположные эмоции одновременно. Он был счастлив, что Фэн Ся поправился, но одновременно с этим чувствовал странную печаль — они с Цин Юань больше не были ему нужны. Закусив нижнюю губу, Бай Лао глубоко вздохнул — лёгкие уже так привычно заполнились тонким ароматом цветущей вишни, но среди него ему не было места. Пришла пора возвращаться в гарем, к запахам тяжёлых эфирных масел и горящих свечей.

— Думаю, — сказала Цин Юань, уловив его настроение и положив изящную ладонь на плечо, — молодой господин не откажется от чая после омовения.

Бай Лао благодарно ей улыбнулся.

Вернувшись из купален, Фэн Ся снова застал Бай Лао возле ширмы, медитативно погружённого в процесс. Фэн Ся, на самом деле, не проводил много времени в личных покаях, предпочитая казармы, но эта картина выглядела так тепло и уютно, что он бы не отказался проводить так каждый вечер. Жаль, что это было невозможно — Бай Лао был очаровательным ребёнком и станет ещё очаровательнее, когда повзрослеет, это нельзя было отрицать. Как скоро отец заметит его? Пускай сейчас в его гареме только женщины, но Фэн У всегда был падок на красоту. Бай Лао не взял никаких способностей от своей демонической матери, но лисье происхождение не спрятать в карман.

— А-Лао, окажи мне услугу, — сказал он, сморгнув наваждение и выудив из ящика возле кровати простой деревянный гребень, — пальцы ещё плоховато меня слушаются.

Фэн Ся лукавил. Уже завтра он возьмёт в руки оружие. Они оба об этом знали.

Бай Лао десятки раз укладывал волосы Чуньшен, научился делать простые, но весьма неплохие причёски, но отчего-то сейчас, расположившись за спиной Фэн Ся, казалось, будто гребень впервые лёг в его ладонь. Волосы Чуньшен были мягкими и послушными. Волосы Фэн Ся — тяжёлыми и плотными, гребень с трудом скользил по жёстким прядям.

— Чуньшен говорила, ты неплохо справляешься для своих восьми лет.

Бай Лао аккуратно разделил спутавшиеся мокрые кончики.

— Девяти.

— Что? — Фэн Ся удивлённо повернул голову. Одна из прядей немного болезненно натянулась.

— На днях мне исполнилось девять.

Бай Лао никогда не отмечал день рождения, никогда не получал подарков и, в целом, не считал этот день особенным. Так было в его родной деревне, так должно было остаться и во дворце. Некоторые вещи меняются — некоторые лучше оставить как есть.

— Прости, — отчего-то печально сказал Фэн Ся, — у меня нет для тебя подарка.

Бай Лао провёл гребнем по всей длине, от затылка до кончиков. Волосы, влажные и тяжёлые густо рассыпались по спине. В солнечных лучах они янтарно переливались оттенками рыжего, красного и золотого.

— Сяньшен уже подарил мне самый лучший подарок, — немного подумав, ответил Бай Лао, разделяя тёмную медь на две половины.

Фэн Ся наигранно недовольно фыркнул.

— И что это за подарок, о котором я сам даже не знаю?

Звякнула серёжка, потревоженная жарким пустынным ветром, влетевшим в окно.

Бай Лао распутал узелок в чужих волосах.

— Моя жизнь.

Комментарии и примечания:

[1] В древние времена в Китае чай не просто заваривали. Обычно его готовили на манер супа в больших котлах. В данном тексте я подстроила этот процесс и вольно его переиграла. В целом, то, как это делает Бай Лао приближено к процессу приготовления «чая династии Тан» — чай прессовали в «пуэрные блины», отламывали небольшие кусочки, растирали в мелкую пыль и добавляли в воду. Воду при этом солили. Туда же добавляли сушёные ягоды, как правило, годжи, сушёный имбирь и корки цитрусовых.

[2] Чахэ (茶盒) «Лотосовый совочек» - мерная посуда для определения количества чая.

<http://bllate.org/book/14934/1323642>